

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82:398

М. Р. АРПЕНТЬЕВАКалужский государственный
университет
им К. Э. Циолковского,
г. Калуга

ФОЛЬКЛОРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТАТАРСКОГО НАРОДА

Статья посвящена анализу основных аспектов фольклорного исследования населения татарского народа. Выделяются основные фольклорные объекты, фольклорные жанры, а также направления и проблемы их изучения.

Ключевые слова: фольклор, татары, историческая память, традиция, традиционная культура.

Введение. Татарский фольклор — ведущая часть традиционной культуры татар. Традиционная культура в современном мире, мире этнического возрождения, переживает этап повышенного внимания как в повседневной, так и в научной жизни. Центральным вопросом изучения фольклора как части традиционной культуры является вопрос его роли в развитии личности, воздействии фольклора на развитие представлений, отношений, моделей общения и ценностей отдельного человека и целого этноса. А. Р. Еникеева отмечает, что «Воздействие традиционной культуры на личность осуществляется через передачу культурных архетипов — базисных элементов культуры, формирующих модели духовной жизни. Конкретные формы традиционной культуры, как и социальные механизмы, их трансмиссии, носят исторически преходящий характер» [1, с. 81]. «Фольклор — это про-

цесс и результат творчества народа, сопровождающего его на протяжении всей жизнедеятельности, основа любой национальной культуры, из которой вырастает профессиональное искусство» [1, с. 83]. У народов, имеющих древние культурные традиции, фольклор и профессиональное искусство тесно переплетаются. Так, до прихода ислама татарская культура имела довольно разнообразный обрядовый и художественный фольклор. С приходом ислама к болгарским народам пришла классическая культура цивилизованного Востока, которая обогатила и сформировала средневековую культуру татар, получившую название «кадим сэнгэте», или «старое искусство». С середины XVI века до конца XIX века традиции старого искусства существовали в среде татарской интеллигенции, священнослужителей (мулл, суфиев) и т.д., транслировались и поддержи-

вались как компонент классического образования, которое население получало в культурных центрах мусульманских стран Среднего и Ближнего Востока. В результате искусство татар поддерживало связи с исламской культурой в целом, сохраняя свой высокий, профессиональный уровень, свое многообразие [2, с. 81–82]. Примером являются сохранившиеся и живущие в современном татарском фольклоре многочисленные духовно-ориентированные музыкально-поэтические жанры: исторические повествования — байты, мунаджаты, зикры и касыйды и иные духовные песнопения, распространявшиеся как в рамках устной, так и письменной традиций [3, с. 48]. С середины XIX века складывается новотатарская культура, «джадит сэнгэте», или «новое искусство», которое, сохранив в качестве основы старые фольклорные этнические традиции, переориентировалось на «нововведения» европейского искусства. Это движение к освоению богатства европейской и мировой культуры продолжается и до сих пор. Татарский фольклор идет по пути обогащения, наращивания культуры за счет привнесения элементов и форм иных культур. Таким образом, татарский фольклор традиционно существует как совокупность народного и авторского творчества, широко востребованный в разных сферах жизни народа, передаваемый различными путями и сочетающийся в каждом конкретном периоде времени и каждом отдельном субкультурном пространстве универсальные, древнейшие архетипические структуры с современными формами их ретрансляции.

Совокупность культурных архетипов образует историческую память татарского народа. Историческая память татар — система передаваемых из поколения в поколение татар исторических фактов и мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого, особенно негативного опыта, угнетения, несправедливости в отношении татарского народа. Историческая память татар иногда выступает как измерение коллективной (или социальной) памяти, компонент культурной памяти народа, под которой понимается система базовых представлений татарского общества о своем прошлом, закрепленное в памятниках культуры и социальных традициях. Источники формирования исторической памяти татар ожидаемо многообразны — это и текстовая традиция, включающая широкий круг нарративных источников, коммеморации (праздники, посвященные историческим событиям, дни памяти и т. п.), искусство самых разных жанров и уровней. Историческая память татар при этом выступает как область междисциплинарных исследований: ее изучением занимаются историки, социологи, этнографы и философы.

Однако до начала XX века собирание произведений народного творчества татар было чаще случайным: первые исследования принадлежат И. Н. Березину, А. Н. Самойловичу, К. Насыри (Г. Г. Насырову), вдохновившему творчество Г. Тукая, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, Г. Камала, М. Карима и др. Много работ принадлежит И. Хальфину, А. К. Казем-Беку, Н. Ф. Катанову, М. Г. Махмудову, Ш. Ахмерову, Х. Фаизханову, Ш. Марджани. Так, татарские пословицы собирать, систематизировать и изучать впервые начал И. Ф. Эрдман лишь в XIX веке. Первая публикация татарских пословиц принадлежит И. Снегиреву, М. Иванову и И. Н. Березину, С. Кукляшеву, К. Насырову, Т. Яхину и др. Однако сначала это была лишь первичная систематизация материала, которая не имела научно-исследовательского харак-

тера. В работах исследователей XX–XXI веков А. Р. Ахметшиной, Г. Ахунзянова, Х. Бадигова, М. Бакирова, Х. Махмутова, Р. Р. Замалетдинова, Г. Ф. Замалетдиновой, Э. Н. Денмухаметовой, Н. Исанбета, Г. Р. Мугтасимовой, Г. А. Набиуллиной, Х. Ярми имеются уже более или менее развернутые наблюдения и выводы научно-филологического анализа этой части фольклора татар. До этого в фольклористике, в ее донаучный период, создателями и распространителями фольклора были сказители, сказочники и певцы, которые странствовали по тюркским селениям и миру и исполняли народные героические сказания и сказки, байты-баллады и песни, пословицы и загадки: Х. Х. Альмухаметов, Габит-сэсэсн, З. В. Валеев, М. Г. Габадуллин, Ф. Д. Давлетшин, М. М. Мингажитдинова, С. С. Мухаметмулов, С. Г. Муллабаев, Х. У. Кусебаева [4–12 и др.]. Атмосфера, буквально пронизанная эпосом, фольклором, окружала сказителей и других хранителей татарского фольклора с самого детства, умения передавались и развивались в рамках мощных семейных и родовых традиций. Поэтому татарская литература и иные виды искусства имманентно и изначально пронизаны религиозно-мистической идеологией, в том числе древневосточного суфизма.носителем этой идеологии являлось татарское духовенство, осуществлявшее свою работу под сильным влиянием среднеазиатской реакционной мусульманской схоластики. Представителями этой мистической литературы были поэты У. Имэни, И. Ишан и Ш. Суфи и др. Развивалось и рационалистическое течение, противопоставлявшее «потустороннему миру» реальные образы и идеи земной жизни: А. Н. Курсави и А. Ж. Кандалы.

Однако важны и собственно научные исследования, нацеленные на осмысление того, как многочисленные и разные по видам, формам и темпам культурные изменения исторической памяти и истории татарского народа в целом объединяются его культурной динамикой, изменениями внутри культуры и во взаимодействии с другими культурами и народами. Культурная динамика описывает изменения или модификацию культуры во времени и пространстве посредством независимых открытий и целенаправленных реформ; культурных заимствований (стихийного или целенаправленного подражания) и культурной межгрупповой и стратификационной диффузии (стихийного обмена в процессе контакта культур), а также культурной трансмиссии — обучения. Культурная трансмиссия — процесс, благодаря которому культура передается от предшествующих поколений к последующим через целенаправленное или стихийное обучение. Решением этих проблем занимается не так много ученых, среди которых известные исследователи А. В. А. Ф. Риттих, В. А. Мошков, Р. Лах, Г. Шюнеман, С. Г. Рыбаков, М. И. Султанов, М. И. Берг, В. М. Жирмунский, А. В. Затаевич, А. С. Ключарёв, М. А. Музафаров, М. Н. Нигмедзянов, Дж. Х. Файзи, З. Н. Сайдашева, Р. А. Вамба [6, 7 и др.].

В народном творчестве отразились конкретные исторические особенности жизни татар. Волшебные былины, сказки о животных показывают специфику повседневно-бытовой, хозяйственной жизни предков татар, их обычаи, обряды и ритуалы, религиозные и философские воззрения, включая мифы и представления, сформированные во времена патриархально-родового и раннефеодального общества. Исторические предания и легенды отражают основные эпохи и значимые события: основание города Бул-

гар, нашествие монголов, героическая борьба народов Поволжья за свободу и независимость. Свадебная и иная обрядовая поэзия, в том числе байты, поэзия аккумулирует данные о древних формах семейно-брачных и социальных отношений в целом. В народном творчестве татар выражена и национальная психология этого народа, в том числе любовь к родной земле и природе, к себе и людям, уважение к труду, отвержение несправедливости, честность и порядочность, доброта и гостеприимство. Они отражены в образах положительных героев сказок, песен, байтов, в пословицах и поговорках. Изучая татарский фольклор, можно казать, что в нем заложены все традиционные виды искусства: музыка, хореография, живопись, архитектура. Самым богатым является сказительно-поэтическое и музыкальное творчество, отражающее богатство духовной и творческой энергии народа. Исследователи этого творчества занимались и занимаются сбором и анализом самого разного этнографического материала, прежде всего отражающего особенности духовной культуры татар, их мифов и поверий, песен и сказок, ритуалов и эпосов. Устно-поэтическое творчество татар очень богато и разнообразно; героический эпос, сказки, легенды и предания, песни, пословицы, загадки слагались и исполнялись народными сказителями и певцами, скотоводами и охотниками. У татар есть представление о том, что мир управляется множеством добрых и злых духов. Боги в мифологии татар обычно выполняют каждый свою особенную, персональную позитивную или негативную функцию. Общее название высших существ — Тэнгри. В татарском фольклоре фигурируют представители и низшей, и высшей мифологии. Популярны, например, злое чудовище Див; волосатый властелин леса Шурале, способный до смерти зачекотать человека; на него похож и жуткий Убыр, вселяющийся в тело и занимающий место души, другие забавные и осмеиваемые колоритные антигерои. При этом духи, с точки зрения татарской мифологии, хозяйничают в разных стихиях: Су анасы — это мать воды, а Су кызы — ее дочь, Господин воды — Су иясе, в доме хозяйничает Йот иясе. Сказки — самый популярный, интересный и «живучий» жанр народного творчества. Татары обожают волшебные сказки, героем в них выступает могучий богатырь, способный на самые невероятные подвиги, а в названиях фигурирует слово «батыр» («Тан-батыр», «Камыр-батыр», «Эпи-батыр» и другие). Эти сказки изобилуют диалогами и пропитаны юмором.

Татары, как и другие народы, верили, что боги и духи, как и люди, любят слушать песни, сказки и героические сказания. Поэтому существовал обычай иметь в каждом более менее зрелом сообществе, поселении искусного сказителя. При этом сказители у татар (как и у монголов) «могли предсказывать и пророчить будущее», что «можно считать отголоском недифференцированности обеих традиций (шаманов и сказителей. — А. М.) в прошлом» [12, с. 54]. Фольклористы — ученые и другие исследователи, такие как В. И. Вербицкий, П. В. Кучияк, А. Л. Гарф, Н. А. Баскаков, С. С. Суразаков, К. Е. Укачина, Е. П. Кандаракова, В. В. Радлов, А. В. Анохин, Л. П. Потапов, З. С. Казагачева, Т. М. Садалова и другие записывали за ними фольклор. На близость шамана и сказителя особое внимание обратил еще Г. Н. Потанин. Кроме того, ученые отмечают совпадение многих черт и сюжетов шаманских рассказов о путешествии шамана во время процедуры камлания со странствиями сказочного героя. Б. Н. Путилов пи-

шет, однако, что «лингвистические реконструкции, изучение функциональных, психологических, декламационных особенностей поэтического творчества у самых разных народов привели ученых к... выводам о существовании в древности синкретического образ шамана-поэта-сказителя и о уподоблении их друг другу» [10, с. 64; 11, с. 36].

В. М. Жирмунский суммирует факты из разных эпических традиций, свидетельствующие о древних связях сказителя и шамана [5—7, с. 401—407]. А. Сагалаев подчеркивает, что «шаманская и сказительская картины мира — это два варианта реализации общего мифологического фонда тюрков» и что, во всяком случае в фиксируемой наблюдателем традиции, между этими двумя культурными типами пролегла определенная межа: шаманы и сказочники старались не смешивать свою деятельность во времени и пространстве [12, с. 94]. Принципиально различие их функций и в культурной истории этноса. «Сказитель в большей степени, нежели шаманы, был причастен к созданию общетюркского фонда культуры тюрков», «сказительская традиция играла видную роль в процессе вхождения инноваций в традиционную культуру татар... оказывалась все более созвучной процессам внутриэтнической консолидации» [12, с. 56].

Сказка является одним из наиболее самобытных жанров фольклорного наследия татарского народа. Она исполнялась в системе древних обрядов с целью магического очищения и противостояния негативным стихиям, для магического воздействия на духов, чтобы расположить их к себе. Выделяются мифы-сказки и сказки о животных, волшебные, бытовые и новеллистические сказки, сказки о глупом чарте, кумулятивно-формульные сказки и анекдоты. Татарским сказкам свойственны традиционные формулы, содержащие начальные, медиальные и финальные компоненты. Сказки и песни татар по своим текстам во многом схожи со славянскими, с одной стороны, и со сказками и песнями иных тюркских народов — с другой. Тексты многих сказок и сказаний выстроены на противостоянии двух противоположных миров (добра и зла, рабства и свободы и т.д.) и преодоления героем препятствий — самостоятельно или вместе с помощниками — при помощи хорошего слова, подарка или поступка представляет собой и проникновение героя в новое, ранее запретное или недоступное пространство, где имеется свой «дух-хозяин» или где статус героя меняется.

Татарские пословицы и поговорки являлись для многих поколений татар прямым руководством к действию: они дают четкие ответы на вопросы, что такое «хорошо» и что такое «плохо», в пословицах и поговорках явно, хотя и литературно, оформлены нормы права. Поэтому афористический жанр долгое время заменял татарскому народу конституцию: «Алмаз остается алмазом, даже если бросить его в грязь», «Когда бой кончился, появляется много батыров», «Если мир затопит вода, разве утка станет горевать?», «Кто не знает горького вкуса, тот не знает и сладкого», «Сколько бы ни бодался баран, горы не разрушит». «Собака лает, а караван идет». «Не ройся на дне мешка» (т. е. не вспоминай прежних обид), «У лгуна дом сгорел — никто не поверил», «Хочешь яблока — ухаживай за яблоней», «Не каждый раз на удочке рыбка», «Один раз не сумеешь, во второй — научишься», «Красота нужна только на свадьбе, ум — каждый день», «Красоту в миску не положишь», «Дом, где есть дети, — базар, где нет детей, — кладбище». И. Н. Березин выделял ряд тем

пословиц и отмечал, что «обращение с пословицами требует особенной осторожности: иногда в них бывает скрыта ирония, которую легко принять за истинную правду, иногда пословица “залетела” от другого народа и дышит чужой национальностью, иногда пословица служит прорицателем только в определенном кружке, а не в целом племени» [4, с. 79–107, 83–116.]. Среди тематических групп он называл:

— об уме и мудрости, прозорливости и осторожности: «ум бывает не в летах, а в голове; не распрашивай дурака, сам расскажет; от дурака дурак родится, дураками мир наполняется; беда глупости дружка»; «подумай о том, что ты хочешь сказать, и так говори; берегущийся бывает здоров; в зажатый рот муха не влетит; кто обожжется на молоке, дует и на воду»;

— о терпении и поспешности, о человеческой природе: «проворный сам изнемогает, тихоня свое дело оканчивает; торопыга вдвойне дает; терпение есть ключ радости», «на языке мед, а под языком лед; ни подбородок, ни копыто не бывают без порока; птенец, что увидит в гнезде, то же увидит и летая; каков в колыбельку, таков и в могилку; то, что в зыбке, переменится пять раз»;

— о дружбе и вражде, о семействе, детях и родственниках: друг познается в нужде; друг есть зеркало другу; море имеет конец, враг не имеет; гусю, у которого гусенята, недостает корму; кому захотелось плакать, тот играет бородой отца; свой не убьет, чужой не помилует;

— о женщине и замужестве: женщина без мужа — лошадь без узды; хорошая жена — жена, а дрянная — чёрт;

— о государственном благоустройстве и о правителе, вельможах: поколение на поколение, язва на нервы; старший одного двора, глупый другого; если хорошо, то от князя, если плохо, то от слуги; орудие работает, мастер хвастается;

— о богатстве и бедности, скупости и щедрости: «у бедного — когда есть, у богатого — когда позовет; от богатого достанется, от меду капнет; не покупка, а продажа учит; не имение составляет родство, а душа».

Татарские пословицы любят «играть» понятиями и именами, это используется не только для рифмы, но и для передачи дополнительной информации. Они являются поэтому действенным способом воспитания и обучения детей и молодёжи, трансмиссии социального опыта татар [13–18].

Как известно, в современной фольклористике фольклорные тексты рассматриваются как языковые структуры, функционирующие в народном быту, их изучение связано как с филологией, так и с этнографией и историей. Опираясь на традицию В. Проппа, который заложил основу структурализма в фольклористике, ученые изучали и изучают структуры фольклора, отмечая, что именно в фольклоре структуры обнаруживаются наиболее явно: фольклор формализован, как вообще вся традиционная народная культура, больше, чем тексты философские или художественно-исторические. Фольклор одновременно пронизан символикой и «форматирован». Если обратиться к современной фольклористике, то [19–21] обычно используется феноменологический подход к изучению народных (фольклорных) текстов (легенд и сказаний, причитаний и других фольклорных композиций), в том числе — народных классических и современных утопий и антиутопий («преодоление рабства») [22–24]. Если сравнить их с работами татарских коллег [9, 15, 16, 18 др.], можно увидеть те

же попытки: описать состояние народа в контексте разных, в том числе трагических событий, связанных с монголо-татарским нашествием, борьбой местного тюркского населения с монголо-татарскими завоевателями, переживание народом этих и иных значимых событий и личностей (таких как Кучум и Ермак, Иван Грозный и Петр I, Алим-шейх, батыры Абусар, Али-Азрат, Сянгиль-Гулюк, Касмак и Кучагур, историй девушек-пленниц и т.д., историй столкновений с воинами хана Кучума, хантами, калмыками, казаками и русскими казаками, отношения с башкирами и т.д.), представление о прошлом и будущем, ритуалах направлены на гармонизацию отношений человека с пространствами и временами его жизни [22, с. 22–25]. Исследователи фольклора отмечают важность понимания «ценностных оснований жизнедеятельности человека» с помощью изучения традиционной культуры. В любом случае важным моментом становится внимание к «знакам» эпических и иных фольклорных произведений. Анализируя их и связанные с теми или иными аспектами жизни поверия, сказки и песни, ученые стремились осуществить их классификацию по категориям, отражающим современное ему представление о фольклорных жанрах и их предназначениях, взаимосвязях и особенностях в синхронической и диахронической перспективах.

Одно из важных направлений исследования народных текстов связано с постмодернизмом и теорией культурного критицизма. Постмодернизм отмечает, что, хотя ученые часто воспринимают фольклорный текст как «первичную структуру», существующую на уровне народной культуры, сознания народа, но, как полагают сторонники литературного критицизма и постмодернистской ориентации, речь идет о совместном порождении: фольклор — это тексты, которые порождены одновременно и представителем народа — информатором, и тем профессионалом, который их записывает. Исследователь организует, редактирует, интерпретирует, а иногда и «досочиняет» что-либо, чтобы «уложить» в свою «предконцепцию». Такого рода саморефлексия — понимание своего вклада в фольклор — очень важна: необходимость учета «возмущающего влияния наблюдателя» и импровизаций исполнителя-информатора сказывается уже в момент исполнения, особенно в «разговорных» жанрах типа «причитаний» и т.д., ритуальные формы фольклора часто перерастают в повседневно-бытовые — воспитательные и т.д. [15]. Поэтому контакт с исполнителем помогает «добиться» понимания фольклора как «естественного» текста: воздействие собирателя и исполнителя нужно учитывать изначально. Так, татарская фольклорная «демонология» выступает как многосоставная система, включающая не столько ряд персонажей, сколько систему основных мотивов и сюжетов, связанных со сферой «низшей» мифологии. Мифологический персонаж при этом выступает как совокупность функций, имя, которое он носит, не столько имя собственное, сколько название стихий или явлений, которые он представляет («имперсолирует»). Анализ полевых материалов и опыт общения с носителями фольклорных знаний демонстрирует наличие заметной разницы между подходом собирателя, который строит свои вопросы о мифологических элементах традиции как о «существах», и логикой носителя традиции, который, прежде всего, характеризует персонаж через его основные функции и только во вторую очередь (обычно по «запросу» собирателя) осмысляет его как «существо», имеющее определенные признаки [8, с. 256]. Целая группа

нецентральных персонажей в отличие от духов-хозяев и «убыр» (падших душ — ведьм и сходных с ними существ, в которых вселяются эти души до или после смерти), лишена менее четко оформленной субстанциональностью и характеризуется отсутствием определенного для каждой функции или совокупности функций названия, поэтому их называют обобщенно — «жен» [15].

Важным моментом исследований татарского фольклора является изучение сюжетов: «Произошедшие в прошлом и трансформировавшиеся в народном сознании в течение определенного времени исторические события, образы исторических персонажей, различные стороны народной культуры преломляются в свете сюжетной канвы и раскрывают перед нами в полной мере главную идею», — пишет Р. Ф. Уразалеев. Он также отмечает, что «фольклорные сюжеты не возникают на пустом месте, есть логический механизм их появления и бытования» [25, с. 126]. А. Н. Веселовский также писал, что «сюжеты — это сложные схемы, в образности которых обобщались известные акты человеческой жизни и психики в чередующихся формах бытовой действительности» [26, с. 170].

Кроме того, важно подчеркнуть идеологическую, мировоззренческую составляющую исследований фольклора [5, 7 и др.], с которой связан его интерес к будущему человечества, его утопиям и антиутопиям, их проявлению в фольклоре разных этнических и социокультурных групп, ритуалам и деритуализациям. Исследования татарского и других видов национального фольклора показывают, что в процессе исследования исторической памяти необходимо опираться на представление о «тринальности» структур сознания, то есть важной роли общественных процессов в формировании и развитии идеологии индивидов и групп и, кроме того, на представление об организующей роли исследователя как интерпретатора функционирующих в сообществе текстов. В процессе нарушенной культурной трансмиссии (нарушений исторической памяти) ценностный мир человека не успевает приспособляться к изменениям в социально-бытовой сфере. Р. Райт назвал это «ловушкой прогресса»: краткосрочное усовершенствование, которое в долгосрочном периоде превращается в регресс или культурный коллапс [27]. Унификация культуры есть ее разрушение, так, в современной цивилизации «вестернизация», ее ценности и модели, подаваемые как общечеловеческие, поглотила молодые культуры Европы и Америки и существенно трансформировали более древние, в том числе азиатские, тюркские, например, татарскую и индийскую культуры, для которых это воздействие выливается в создание новых и лжекультур и религий, утверждающих, в отличие от традиционного фольклора и культуры, в целом не ценности взаимопомощи, любви, свободы и дружбы, нравственные ценности, поддерживающие жизнь человека, его здоровье и благополучие, семью, а ценности потребления и насилия. В итоге фольклор преобразуется не только формально, но и содержательно. Однако, поскольку татарская культура может быть отнесена к культурам старым, а сам народ всегда стремился сохранять самобытность, не входя в противоречие с другими культурами и эпохами, татарский фольклор сейчас имеет весьма хорошие шансы быть по достоинству оцененным и востребованным как в повседневности, так и в науке.

Перспективы противостояния разрушению и забвению татарского фольклора и культурной транс-

миссии ценностей татарского народа — в сохранении и изучении татарской культуры и, в том числе, фольклора, собирающего истинно народную мудрость, включая опыт совладания с самыми страшными, трагическими событиями, физическими и «культурными» событиями прошлого — необходимое условие выживания человека, его рода, его нации, человечества. Историческая память татар — важная часть жизни гармоничного сообщества: в той мере, в какой она не утрачена, сообщество способно не повторять ошибок и трагедий прошлого. Исследование народной памяти татар, помимо восстановления и признания ценности прошлого, имеет прямую перспективистскую функцию, выступая как база татарской народной педагогики. В этой — перспективистской функции — заключается основная ценность исследований народной татарской культуры, фольклора, быта и жизни народа в целом. Фольклор — это не просто «живая история», фольклор — это корни народа, а значит, опора его сегодняшнего бытия и развития в будущем.

Заключение. В существующих исследованиях татарского фольклора часто весьма выпукло представлены и удачно реализованы попытки структурировать и осмыслить фольклор татарского народа и тюрков в целом, раскрыть его духовно-нравственное содержание как непосредственного участника процесса воспитания и культурной трансмиссии [28–31]. Поэтому в современной литературе и искусстве татар традиции фольклора и художественных произведений сохраняются и по форме, и по содержанию. Неслучайно поэтому, что одной из характерных черт татарской поэзии и литературы в целом XX и XXI вв. является то, что в ней заметное развитие получают поэмы, сказки и сходные с ними жанры: происходит развитие национальной культуры, для которой свойственно философское осмысление мира. Развиваются и авторские этнические сказки, опирающиеся на традиционные для народных татарских эпосов и сказаний ценности и структуры. Однако, хотя искусство и литература поволжских, крымских и иных татар и имеют свою многовековую историю, однако относительно хорошо изученной является лишь литература и искусство XIX века, многие фольклорные шедевры татар, особенно небольших этнических подгрупп, утрачены или известны в упрощенных обрывочных вариантах, носителей фольклорной культуры в народе также становится все меньше. Ряд более ранних произведений, дошедших до ученых и относящихся к XIV–XV вв. («Казань баите», «Ханэке Султан» и т.д.), искусство доисламского периода, содержит много важной информации, что еще раз подчеркивает обширность утерянного и требующего исследования-восстановления. Важно также отметить, что этнографические исследования, обращенные к анализу мировоззренческих, идеологических аспектов человеческого бытия, являются, по сути, «пограничными»: с социологическими, социально-политическими. Поэтому перспективны исследования фольклора и других «памятников» и примеров народной культуры татар тесно связаны именно с интеграцией наук. Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, направление, связанное с психолингвистическим осмыслением фольклорных традиций.

Библиографический список

1. Еникеева А. Р. Татарский фольклор как феномен народной культуры и основной ресурс этнопедагогики // Вестник Казанского ГУКИ. 2013. № 1. С. 81–85.

2. Макаров Н. К. К вопросу об изучении татарского музыкально-инструментального искусства позднего средневековья // Музыкальная наука Среднего Поволжья. Итоги и перспективы: материалы науч. конф. Казанской гос. консерватории. Казань: КГК, 1997. С. 80–91.
3. Садекова А. Х. Татарские мунаджаты в типологическом освещении // Типология татарского фольклора. Казань: Татарское кн. изд-во, 1999. С. 48–51.
4. Березин И. Н. Народные пословицы турецкого племени // Библиотека для чтения. 1856. Март–апрель. Т. 136. С. 79–107, 83–116.
5. Давлетов К. Татар халык ижаты // Советская этнография. 1955. № 4. С. 167–169.
6. Жирмунский В. М. Фольклор: Запад и Восток. Сравнительно-исторические очерки. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2004. 464 с.
7. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л.: Наука, 1979. С. 401-407.
8. Маадай Кара. Алтайский героический эпос / сост. С. С. Суразаков. М.: Наука, 1973. 465 с.
9. Нигмедзянов М. Н. Народные песни волжских татар. М.: Советский композитор, 1982. 135 с.
10. Путилов Б. Н. Эпическое сказительство: типология и этническая специфика. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 295 с.
11. Ревуненкова Е. В. О некоторых истоках поэтического творчества в Индонезии: (Шаман – певец – сказитель // Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов) / под ред. Б. Н. Путилова. Л.: Наука, 1984. С. 36.
12. Сагалаев А. М. Сказитель и шаман в традиционной культуре // Известия Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. Новосибирск, 1985. Вып. 2. С. 56–94.
13. Мугтасимова Г. Р. Лексика татарских народных пословиц: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Казань, 2004. 25 с.
14. Насыров А. К., Поляков П. А. Сказки казанских татар в сопоставлении их со сказками других народов. Казань: ИОАИЭ, 1900. Т. 16. Вып. 4–6. С. 1–112.
15. Татар халкынын балалар фольклоры / Төз. Н. Исәнбәт. Казан: Татгосиздат, 1941. 188 б.
16. Татар халык ижаты. Фәнни эзләнүләр һәм фольклор үрнәкләре (фәнни конференцияләр материаллары жьентыгы) / Ред. Ф. Х. Жәүһәрәва. Казан: Ихлас, 2011. 6 китап. 200 б.
17. Татар халык ижаты: балалар фольклоры / Төз. Р. Ф. Ягъфәров. Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1993. 336 б.
18. Тукай Г. Избранное: Стихотворения. Поэмы. Сказки. Стихотворения для детей: пер. с татар. / сост. Р. Бухараев. М.: Художественная лит., 1986. 239 с.
19. Пропп В. Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Русская литература. Ученые записки Ленинградского ун-та, № 339. Сер. филологических наук. Вып. 72. Л., 1968. С. 5–25.
20. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 364 с.
21. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1989. 233 с.
22. Лосева З. К., Томилов Н. А. Легенды и исторические предания иртышских татар // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 18-30.
23. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1967. 341 с.
24. Шейн П. В. Крепостное право в народных песнях. Из собрания П. В. Шейна // Русская старина, 1886. Т. 49, № 2. С. 483–492, № 3. С. 667–678.
25. Уразалеев Р. Ф. Жанры и сюжеты фольклорной несквозной прозы курдакско-саргатских и тарских татар // Народная культура Сибири: материалы XXIII науч.-практ. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2015. С. 126–132.
26. Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Русское устное народное творчество: хрестоматия по фольклористике. М.: Высшая школа, 2003. 710 с.
27. Wright R. A. Short History of Progress. NY: Carroll & Graf Publisher, 2004. 320 p.
28. Корусенко С. Н. Историческая память сибирских татар: информативность и достоверность // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 2003. С. 108–110.
29. Маликов Р. Ш., Газизова Ф. С. Педагогика детства в татарских народных традициях // В мире научных открытий. Гуманитарно-общественные науки. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. № 9 (45). С. 276–287.
30. Татарское народное творчество: обрядовые и игровые песни. Казань: Татарское кн. изд-во, 1980. 500 с.
31. Ханбиков И. Я. Из истории педагогической мысли татарского народа. Казань: Татарское кн. изд-во, 1967. 232 с.

АРПЕНТЬЕВА Мариям Равильевна, доктор психологических наук, доцент (Россия), профессор, старший научный сотрудник кафедры «Психология развития и образования».

Адрес для переписки: mariam_rav@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.02.2017 г.

© М. Р. Арпентьева

Книжная полка

Кондратюкова, Л. К. Английский язык для аспирантов = English for Post-graduate students : учеб. пособие / Л. К. Кондратюкова. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2017. – 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

Целью пособия является развитие коммуникативных умений и навыков различных видов речевой деятельности, а также навыков аннотирования и реферирования научной литературы. Состоит из шести разделов и терминологического словаря. Содержит аутентичные англоязычные тексты по методологии научного исследования и разработанные на их основе задания, а также комплекс коммуникативных упражнений.

Предназначено для аспирантов и соискателей всех специальностей, готовящихся к сдаче кандидатского экзамена по английскому языку.

ОБРАЗ РОССИИ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ СНГ

Статья посвящена рассмотрению структуры концепта «Россия» в сознании носителей русской культуры и представителей дальнего и ближнего зарубежья. Акцент делается на представление, сформированное у курсантов стран СНГ (Таджикистан, Киргизия, Казахстан, Армения), обучающихся в Омском автобронетанковом инженерном институте. Россия играет ключевую роль в Содружестве Независимых Государств. Именно поэтому анализ ее образа в сознании молодежи СНГ является определяющим при формировании дружественных связей между нашими народами. Цель работы — выявить особенности представлений о России в языковом сознании курсантов СНГ.

Ключевые слова: языковое сознание, концепт «Россия», СНГ.

Одна из важнейших ценностей современного общества — дружба народов. Ее наличие выступает гарантией сохранения жизни на Земле. В наши дни особенно важным оказывается поддержание дружеских связей между государствами-соседами. К сожалению, сегодня приходится говорить о том, что внешнеполитические интересы Европы и США препятствуют налаживанию добрососедских отношений между многими странами, в т.ч. и между республиками бывшего СССР.

Разобщение дружественных братских народов никогда не протекает одномоментно. Это длительный и, как правило, хорошо спланированный процесс, начинающийся в сознании представителей различных культурных традиций. Диагностировать подобные, происходящие в сознании людей изменения возможно, изучая концептуальные, ментальные представления, формирующиеся в сознании носителей разных культур о странах-соседах, об их гражданах, о событиях общей истории. Именно поэтому концептуальное исследование языкового сознания может стать основой для восстановления и укрепления дружеских связей между представителями разных стран. В связи с этим нами было проведено исследование, объектом которого стали курсанты 1-го и 2-го курсов (31 чел.) стран СНГ (Таджикистан, Киргизия, Казахстан, Армения), обучающиеся в Омском автобронетанковом инженерном институте. (Российские курсанты не опрашивались, поскольку структура концепта «Россия» в сознании русских уже описана в науке). *Предмет* исследования — образ России в языковом сознании курсантов стран СНГ. Выбор изучения концепт «Россия» обусловлен ее ключевой ролью в создании СНГ. Цель работы — выявить особенности представлений о России в языковом сознании курсантов.

Итак, «языковое сознание» как понятие в современной лингвистической науке используется достаточно давно. Но, как и любой термин, который многократно и часто функционирует в научных исследованиях, четкой интерпретации он не имеет. Каждый ученый, опираясь на достижения предыдущих, вносит что-то свое в содержание языкового сознания. Поэтому сегодня в различных статьях, монографиях

и диссертациях встречаются самые разные варианты и формулировки анализируемого нами термина. Так, мы можем обнаружить работы, посвященные «речевому мышлению», «этноязыковому сознанию», «когнитивному сознанию», «речевому сознанию», «коммуникативному сознанию» и т.д. В нашем исследовании мы будем придерживаться классической трактовки, представленной в лингвокультурологии. Согласно авторитетным лингвистическим словарям, языковое сознание — это «особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах языка» [1, с. 518].

Для нашего исследования важно, что «языковые сознания» представителей разных лингвокультур (носителей разных языков и культур) не совпадают. Это несовпадение может касаться как вторичных, неглавных его элементов, так и основных. Все зависит от того, в рамках какой культурной, национальной среды данное сознание сформировалось. Поскольку языковое сознание можно рассматривать как «совокупность фоновых знаний или представлений об окружающем мире» [2, с. 166], то есть возможность эти знания проанализировать посредством языка, т.к. знания проявляются прежде всего на уровне лексическом (словесном), через использование конкретных слов. Языковая картина каждого народа может быть особенной постольку, поскольку в ней по-разному используются слова для обозначения одних и тех же явлений действительности, по-разному эти явления оцениваются.

В науке принято говорить о том, что единицей языковой картины мира можно считать концепт. Концепт как совокупность близких понятий, связанных между собой ассоциативно, термин тоже неоднозначный, однако он позволяет описать структуру языкового сознания.

Термин «концепт» фигурирует в рамках различных наук (когнитивной лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии и т.д.). Нас будет интересовать только то определение, которое непосредственно помогает описать языковую картину мира носителей языка как представителей отдельных

культур. Оно также предложено в рамках лингвокультурологии и «предполагает признание концепта культурно-обусловленной сущностью» [3, с. 8], которая является «основной ячейкой культуры в ментальном мире человека» [4, с. 43] и отражает «менталитет определенного этноса» [5, с. 10]. Концепт может описываться через «культурные доминанты поведения, исторически закрепленные ценностными ориентациями, принятыми в соответствующей лингвокультуре» [6, с. 111] и всегда имеет возможность реализоваться средствами языка.

Концепт имеет сложную структуру, состоящую из центра (наиболее частотных у большинства носителей данной языковой культуры ассоциаций и представлений) и периферии (менее частотных и менее типичных смысловых ассоциативных связей).

Концепт «Россия», ставший предметом нашего изучения, исследуется в рамках лингвокультурологии достаточно давно и продуктивно. Современные лингвисты обращаются к анализу данного концепта в языковом сознании носителей русского языка и русской культуры [7–10], описывают структуру концепта с опорой на фразеологический фонд языка [9], с учетом контекстов медиа-пространства [11]. В последние годы появились работы, посвященные концепту «Россия», сформированному в языковом сознании венгров [12], англичан [13], монголов [14], американцев [15]. Однако до сих пор нет исследований, посвященных тому, как представляют Россию ее ближайшие соседи и самые надежные партнеры. Именно от их восприятия современного образа России во многом будет зависеть сохранение дружеских связей не только на уровне стран, но и на межличностном уровне. Только при формировании положительных образов государств-соседей можно говорить о надежности взаимоотношений между ними. Но, прежде чем обратиться к исследованиям подобного содержания, представим структуру концепта «Россия», сформированную в языковом сознании носителей русской культуры.

Итак, в ядро концепта «Россия» входят следующие смысловые компоненты: 1) империя, 2) современная страна, 3) сильное государство, 4) ведущая держава мира [7, с. 116].

При этом ядро концепта включает в себя следующие смысловые составляющие: славянство, патриотизм, демократия, модернизация, духовность, российская идентичность, православие, русская культура и русский язык, социальная напряженность [7, с. 119].

На периферии концепта обнаруживаются такие элементы, как:

- интеграция,
- русское зарубежье
- сближение с Западом,
- инновационное развитие,
- общественная активность,
- русофобия,
- возрождение,
- спорт,
- многопартийность,
- инвестиции,
- олигархи,
- государственность,
- глобализация,
- интеллигенция,
- гражданское общество,
- коррупция,
- «новые русские»,
- экономический рост,

- борьба с терроризмом,
- гуманизация,
- нефтегазовая отрасль,
- природные ресурсы,
- передел собственности,
- российская армия,
- заказные убийства,
- мания самобичевания [7, с. 19–120].

Учитывая, что анализ структуры концепта проводился на основе статей журнала «Родина» с 1999 по 2009 годы, можно предположить, что ядерные и периферийные компоненты — результат сформировавшихся представлений о России не всех носителей языка, а только тех, кто создает статьи данного журнала и, соответственно, читает их.

Согласно исследованиям Т. Ю. Колупановой, «одной из строевых единиц концепта «Россия» является сема «государство» [9, с. 58]. Однако ассоциативное поле гораздо шире. Оно представлено в «Русском ассоциативном словаре» и включает в себя следующие компоненты: страна, родина, мать, молодая, матушка, наша, флаг, великая, государство, березка, беспредел, больная, большая, будущее, величие, в нищете, во мгле, восстанавливается, выругаться, гордость, гостиница, Грузия, держава, Ельцин, звезда, концертный зал, лес, любимая, мать ваша, мир, многострадальная, может выжить, Москва, моя, наша Родина, нашла себя, не знаю, помойка, простор, родина наша; отечество, патриотизм; Русь, свободная, СНГ, телевизор, терпение, 90-е [16, с. 561]. Исследовательница выделяет среди названных ассоциатов положительные и отрицательные. К положительным она относит: *великая, любимая, величие, гордость, патриотизм, свободная*. К отрицательным — *беспредел, больная, в нищете, во мгле, выругаться, помойка*. Особая группа — это слова, объединяющие наименование различных национальных атрибутов: *флаг, простор, березка, лес, Москва*.

Анализируя пословицы о России, Т. Ю. Колупанова отмечает, что в них концепт приобретает дополнительные смысловые компоненты:

1. Россия — страна православная, хранимая Богом.
2. Россия привыкла во всем полагаться на авось.
3. Россию населяют серьезные и воинственные люди.
4. Для России характерен особый склад ума [9, с. 60].

Все эти составляющие концепта «Россия» выявляются в процессе исследования языкового сознания русских через репрезентацию русскоязычных текстов. Рассмотрим, как изменяется структура концепта в сознании иностранцев.

Представители стран дальнего зарубежья традиционно воспринимают Россию через призму политических событий. Поэтому, например, концепт «Россия» в языковом сознании англичан представляет собой трехкомпонентное образование:

1. Россия — страна дикарей, грязи и коварства.
2. Россия — тоталитарная, страшная, аморальная, кровавая страна с бездушными людьми.
3. Россия — страна, давшая миру отдельных представителей культуры, «достойных сочувствия и принадлежности к миру Европы» [13, с. 118–120].

В сознании носителей немецкой культуры (Германия) Россия более многогранна. Концепт включает в себя следующие компоненты: движение вперед, нехватка денег и (одновременно) — роскошь и богатство, надменность и заносчивость, бесполезная трата времени, интеграция в мировое пространство, Путин.

Таблица 1
Ядро концепта «Россия»
в сознании курсантов из стран СНГ

Ассоциат	Частота упоминаний
Большая / самая большая	16
Холодная страна / холод	8 (6/2)
Путин	8
Красивая	7
Красивые девушки	7
Береза	6
Армия / сильная армия	5 (3/2)
Москва	5
Кремль	4
Многонациональная	4
Единая	4
Медведь	4
Водка	3
Сильная / очень сильная	3 (2/1)
Могучая	3
Историческая	3
Рубль	3

При этом Россия предстает в различных ипостасях: враг, противник, конкурент, союзник, друг [17, с. 93–94].

В странах бывшего социалистического лагеря, в частности, в венгерской культуре, Россия перестала быть частью реальности. Как отмечает С. Г. Дюкин, образ России ассоциируется либо «с наследием русской культуры», либо «с негативными последствиями российской колонизации». Россия предстает, с одной стороны, как что-то грубое, жестокое, коварное и подозрительное, а с другой — достойное ироники и даже сарказма [12, с. 80]. Такая картина вполне закономерна, учитывая политическую ситуацию в мире. Однако в сознании носителей культуры стран ближнего зарубежья, имеющих общую историю, возможна несколько иная ситуация. Представим результаты проведенного нами среди курсантов стран СНГ ассоциативного эксперимента.

Согласно нашим исследованиям, в ядро концепта «Россия» вошли следующие ассоциаты (табл. 1).

Как видно из табл. 1, лидирует восприятие России как страны, занимающей большую территорию. Второе место отдано климатическим ассоциациям (холодная страна, холод). Также частотные ассоциативные связи образа России с ее президентом — В. В. Путиным. Абсолютное большинство ассоциативных связей имеет положительную окраску, кроме «водки», которая, впрочем, входит в число ассоциаций, типичных для иностранцев, не проживающих на территории России (водка, матрешка, медведь, балалайка).

Периферийные компоненты концепта «Россия» единичны. Перечислим их: военная, великая, мороз, много леса, богатая, Красная площадь, страна, волк, священная, алкоголь, пьянка, церковь, Сибирь, Санкт-Петербург, интересно, много населения, разные языки, девушка, подруга, клуб, мусор, герой, разные религии, аквапарк, кино, кризис, работа, свобода, криминал, елки, легко, хорошая, хорошие люди, дружба, отдыхать, развитая страна, уважаемая,

Москва слезам не верит, русские, соседи, Хабиб Нурмагомедов, Емельяненко.

Если мы сравним структуру концепта в сознании россиян и курсантов из других стран СНГ, то увидим, что обнаруживаются общие смысловые компоненты: береза, большая страна, Москва, сильная страна. Часть из них оказываются ядерными у носителей разных национальных культур (сильная страна), остальные в русскоязычной культуре относятся к периферии концепта (Москва, береза (березка — в интерпретации русскоязычных реципиентов добавляется эмоционально-оценочная сема), большая страна). Интересно, что сами россияне не воспринимают Россию в первую очередь через климатические ассоциации или размеры территории, в отличие от курсантов из других стран СНГ. Ассоциат «большая» у носителей русской культуры располагается на периферии концепта.

Опрошенным курсантам, как и большинство европейцев, воспроизводят в образе России ассоциаты *красивые девушки, холод, сильная армия*. Последний может быть вызван будущей профессиональной деятельностью участников эксперимента. Однако, в отличие от европейцев или англичан, в структуре анализируемого концепта у курсантов отсутствуют сугубо отрицательные компоненты. Все ядерные составляющие концепта положительны. Это значит, что, используя уже сформированные общие представления о России, можно опираться на них при структурировании образа нашей страны в сознании всех граждан СНГ. И на этой базе выстраивать добрососедские отношения.

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Эдиториал УРСС, 2005. 576 с. ISBN 5-484-00082-3.
2. Нечаева Е. Ф. Языковое сознание и национальная идентичность // Альманах современной науки и образования. 2009. № 11 (30), ч. 2. С. 166–168.
3. Чибышева О. А. Концепт «женщина» в русской и английской фразеологии (на материале предметных фразеологизмов, именующих женщину): автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Челябинск, 2005. 24 с.
4. Степанов С. Ю. Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 982 с. ISBN: 5-8291-0388-5.
5. Воркачев С. Г. Эталонность в сопоставительной семантике // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / под ред. В. В. Красных и А. И. Изотова. М.: Макс Пресс, 2003. С. 6–16.
6. Карасик В. И. Языковой круг: Личность, концепт, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
7. Абрамова Е. С. Концепт «Россия» в дискурсе современных российских масс-медиа: когнитивная структура, динамика, особенности языковой объективации: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Белгород, 2012. 24 с.
8. Баишева З. В. Концепт «Русь, Россия, русские, россияне» в ментальном мире русского человека // Сталинградская гвоздика: сб. материалов Междунар. форума преподавателей русского языка и литературы славянских стран и государств СНГ / под ред. И. А. Прихожан и В. И. Супруна. 2013. С. 16–23.
9. Колупанова Т. Ю. Концепт «Россия» в культурно-языковом сознании русского народа // Филологос. 2014. № 2 (21). С. 57–61.
10. Постникова И. А. Концепт РОССИЯ как фрагмент картины мира начала XX в. // Вестник Чувашского гос. педагог. ун-та им. И. Я. Яковлева. Сер. Филология и искусствоведение. 2008. № 6. С. 236–248.
11. Полонский А. В., Абрамова Е. С. Концепт «Россия» в современном медийном дискурсе (на материале журн. «Родина»

за 1999–2009 гг.) // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2010. Т. 6, № 12. С. 119–126.

12. Дюкин С. Г. Концепт «Россия» в венгерской художественной литературе // Мировая литература в контексте культуры. 2009. № 4. С. 78–80.

13. Хабибулина Л. Ф. Концепт «Россия» в английском политическом романе середины XX века // Ученые записки Казанского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, № 6. С. 116–123.

14. Зээнъямбуу Ч. Концепт «Россия» и его ключевые слова в сознании монгольских писателей // Вопросы гуманитарных наук. 2009. № 2 (40). С. 135–138.

15. Орлова О. Г. «RUSSIA» («РОССИЯ») в американской публицистике (на примере дискурса еженедельника «NEWS-WEEK»); автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Волгоград, 2005. 22 с.

16. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: АСТ-Астрель, 2002. Т. 1. 784 с.

17. Точилина Ю. Н. Особенности вербализации концепта RUSSLAND (Россия) в немецких СМИ // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. Языкознание. 2013. № 1 (17). С. 92–97.

ФЕСЕНКО Ольга Петровна, доктор филологических наук, доцент (Россия), профессор кафедры «Иностранные и русский языки».

Адрес для переписки: Olga.Fesenko2015@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 23.01.2017 г.

© О. П. Фесенко

УДК 811.111:81'33

И. А. ШУЙЦЕВА

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

МЕТАФОРИЗАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТИРОВКИ И ХРАНЕНИЯ НЕФТИ И ГАЗА

Статья посвящена проблеме терминологической метафоры в научно-технических текстах, правомерности ее употребления, отношению лингвистов к данному явлению. Выделяются группы терминологических метафор в подязыке транспортировки и хранения углеводородов. Рассматриваются особенности перевода метафор с английского языка на русский. Дается заключение относительно роли и места метафоры в подязыке транспортировки и хранения нефти и газа.

Ключевые слова: термины-метафоры, модели образования метафор, симметричные термины-метафоры, стертые метафоры.

Одним из способов терминообразования в подязыке транспортировки и хранения жидких и газообразных углеводородов в английском языке является метафоризация общелитературных слов и терминов из разных областей знания и отраслей промышленности. Метафора от греческого *metaphora* (перенос). По мнению А. А. Реформатского, перенос наименования при метафоре основан на сходстве вещей по цвету, форме, характеру движения и т. п. [1, с. 83].

Отношение терминоведов к метафоре противоречиво. Такие исследователи, как А. А. Реформатский, В. М. Лейчик считают, что понятие термин и метафора несовместимы, памятуя о том, что научный термин должен быть лишен эмоционально-экспрессивной, оценочной окраски. По мнению английского философа Томаса Гоббса: «Свет человеческого ума — это вразумительные слова, предварительно очищенные от всякой двусмысленности точными дефинициями. Метафоры же и двусмысленные слова, напротив, суть что-то вроде *ignes fatui* (блуждающих огней), и рассуждать при их помощи — значит бродить среди бесчисленных нелепостей...» [2].

Тем не менее интерес исследователей к такому явлению, как научная метафора, достаточно велик. Н. Д. Арутюнова, Л. М. Алексеева, М. Блэк, С. Г. Дудецкая, М. В. Никитин, С. С. Гусев и многие другие занимались проблемами терминов-метафор. По мнению О. А. Фоминой, метафора — это некий инструмент, способствующий познанию окружающей действительности, это способ создания и обогащения языковых средств, возможность связать сферу языка естественного и языка научного [3, с. 5].

Метафора апеллирует к творческому восприятию научных понятий исследователем, дает возможность использовать готовые формы, которые способствуют тому, чтобы значительно экономить языковые средства, что является большим преимуществом в современных условиях динамичного развития науки и техники.

Метафора выполняет не только эмоционально-экспрессивную функцию, но и номинативную, обозначая новое понятие, схватывая саму его суть, опираясь на уже имеющиеся средства языка, знакомые носителю понятия. По мнению А. С. Смагуловой, язык адаптируется к современным условиям коммуникации,

сохраняя при этом относительную стабильность, поэтому многие слова и термины, испытывая время от времени некие изменения на уровне семантики, не нарушают процессов развития самого языка [4, с. 8].

В подъязыке транспортировки и хранения нефти, нефтепродуктов и газа существуют свои модели метафорического переноса, т. е. определенные группы терминов образуют определенные метафоры. Например, группы терминов-метафор, объединенные на основе существующих реалий и понятий.

Рассмотрим группы терминологических метафор, выделенных в ходе исследования:

1. Антропоморфные метафоры (связанные с человеком, с его деятельностью):

thief (вор) — резервуарный пробоотборник;

phase behavior (поведение, манеры) — фазовая проницаемость;

shoulder (плечо) — выступ муфты (над поверхностью труб);

bend (сгибать, наклон туловища) — изгиб, колено трубопровода;

leg (нога) — нога (буровой вышки), опора основания.

2. Бытовые метафоры (касающиеся предметов быта, используемых в повседневной жизни):

collar (воротник) — отверстие буровой скважины; буровая труба;

basket (корзина) — кернорватель корзиночного типа; паук (для извлечения оставшихся в скважине небольших предметов);

shoe (башмак) — башмак, скользящая опора, башмачная труба;

sleeve (рукав) — соединительная муфта (штуцер);

concrete jacket (куртка, пиджак) — бетонная рубашка морского трубопровода.

3. Зооморфные метафоры (связанные с образом животных, птиц, насекомых):

butterfly (бабочка) **valve** — двустворчатый клапан (задвижка), поворотная заслонка;

spider (паук) — паук (ловильный инструмент); захват (для вытаскивания или удержания колонны труб или штаг);

dog-leg (собачья лапа) — резкий изгиб трубы;

rabbit (кролик) — скребок для очистки труб;

crow (ворона) — хомут (для врезки в трубопровод).

4. Ботанические метафоры (относящиеся к растениям):

trunk (line) (ствол) — магистральная линия трубопровода;

Christmas tree (рождественская елка) — фонтанная арматура;

dry tree (сухое дерево) — изолированная фонтанная арматура;

branch (ветка) — ветвь, ответвление (трубопровода).

5. Военные метафоры (виды оружия, военное снаряжение):

Big Bertha («Большая Берта» (немецкая пушка)) — перфоратор большого размера (для простреливания отверстий в трубах);

gun (огнестрельное оружие, пистолет) — перфоратор;

arrow plot (стрела) — диаграмма наклона пластов;

bunker (бункер, убежище) — бункерное топливо.

6. Архитектурные метафоры:

vacuum tower (башня, пилон) — вакуумная колонна;

column (колонна, столб) — колонна (буровых труб);

walking beam (балка) — балансир штангового насоса.

Самыми многочисленными в исследуемой терминологии являются первые четыре группы терминов-метафор, менее продуктивными — метафоры военные и архитектурные, это подтверждает мысль о том, что метафора служит средством выражения и номинации специального понятия, основываясь на общеизвестных и наиболее часто встречающихся и привычных явлениях. Язык неразрывно связан с процессом познания и мышления, результаты этой деятельности неизбежно отражаются в языковой сфере, в том числе в области терминовтворчества, представленного метафорическим переносом. Несмотря на то что метафора свойственна любому языку, в восприятии окружающей действительности у разных народов существуют различия, порой существенные. Это может стать проблемой при переводе в данном случае с английского языка на русский терминов-метафор.

В выявленном корпусе метафор достаточно много примеров (23 %), которые обладают полным совпадением при переводе с английского на русский язык, этот тип соотношения можно назвать «метафоры-метафоры». Н. А. Мишанкина и А. И. Деева называют такие термины-метафоры симметричными [5, с. 8], то есть когда метафорический образ и в русском, и в английском языках полностью совпадает. Например:

branch (ветка) — ветвь, ответвление (трубопровода);

leg (нога) — нога (буровой вышки), опора основания;

shoe (башмак, ботинок) — башмак;

column (колонна, столб) — колонна (буровых труб);

spider (паук) — паук, ловильный инструмент и т.д.

В исследуемой терминологии выявлены также частично симметричные термины-метафоры (10 %), в которых исходная понятийная сфера общая, но актуализированы разные фрагменты, образы, так как они являются естественными для носителей определенной культуры [4, с. 8]. Источник происхождения метафоры у таких терминов является одним и тем же, но существуют некоторые различия в деталях:

sieve (сито, решето) — решётчатый фильтр (различие в восприятии как предмета кухонной утвари и технического назначения);

vacuum tower (башня, пилон) — вакуумная колонна (разница в восприятии внешней архитектурной формы, по сути, одинаковой: башня — колонна);

gun (огнестрельное оружие, пистолет) — перфоратор (военное снаряжение и строительный инструмент).

Еще одним типом терминов-метафор является тип метафорических терминов, в которых не происходит никакого совпадения метафорических образов, поскольку исходный понятийный источник у них не имеет совпадений. Такие метафорические термины, по мнению Н. А. Мишанкиной и А. И. Деевой, можно назвать асимметричными:

Christmas tree (рождественское дерево) — фонтанная арматура;

crow (ворона) — хомут (для врезки в трубопровод);

dry tree (сухое дерево) — изолированная фонтанная арматура и т.д.

Термины-метафоры этого типа представлены 5 %.

В выборке терминов-метафор, относящихся к сфере транспортировки и хранения углеводов, наибольшее количество занимают метафоры типа метафора — прямая номинация [6]. Это означает, что английский термин является метафорой, а русский представлен прямой номинацией или описательным переводом, что доказывает существование культурных, национальных различий в разных языках, например:

crowfoot (лютик) — ловильный инструмент для бурильных штанг;

rabbit (кролик) — скребок для чистки трубопровода;

wild cat (дикая кошка) — разведочная скважина на новой площади;

knockouts (сильный, сшибающий с ног удар) — ловушки на низких участках газовых линий для сбора газобензинового конденсата;

boom-cat (рокошущий кот) — трактор со стрелой, трубоукладчик;

dog assembly (собака + агрегат, сборка) — захват для извлечения (пакера). Количество таких метафор составляет 62 %.

Следует отметить, что данная выборка содержит значительный процент стертых (определение П. Ньюмарка) метафорических терминов. Словарь лингвистических терминов Т. В. Жеребило дает следующее определение: метафорам такого рода — разновидность метафоры, утратившей семантически мотивированные связи значений [6, с. 208]. Это метафоры, которые утратили образную составляющую и воспринимаются уже как нечто обыденное, общепринятое. Очень часто это метафоры, образованные на основе антропоморфной модели, по сходству с внешним видом частей человеческого тела, предметов, используемых человеком в быту, т.е. бытовые метафоры, зоологические метафоры, например:

bottle neck (горлышко бутылки) — узкое место, узкий проход;

eye bolt (глаз + болт) — болт с ушком;

connecting leg (соединяющий + нога) — соединительный патрубок;

blind (слепой) — пробка, заглушка для трубы;

sleeve (рукав) — соединительная муфта (штуцер);

crow's nest (воронье гнездо) — площадка буровой вышки;

spider (паук) — паук, ловильный инструмент.

Проведенное исследование дает возможность сделать вывод о том, что самыми продуктивными моделями (способами) образования терминологических метафор в анализируемой терминосистеме являются:

1. Понятия, связанные с человеком, с его внешностью, трудовой деятельностью, т.е. антропоморфные метафоры (39 %).

2. Понятия, характеризующие представителей животного мира (23 %).

3. Понятия, описывающие все то, что относится к миру растительному (12 %).

Необходимо отметить тот факт, что количество полных или симметричных метафор в нашем исследовании составляет всего 23 %, частично симметричных метафор — 10 %. Объясняется это различиями в менталитете, мировосприятии, культуре англоговорящих носителей и представителей русского языка.

Полученные результаты позволяют сделать заключение о том, что метафоризация в терминологии транспортировки и хранения нефти, газа и нефтепродуктов является неотъемлемым феноменом, свойственным языку в целом и языку специальному, в частности, отражая процессы развития в конкретной технической отрасли.

Библиографический список

1. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 2003. 536 с. ISBN 5-7567-0202-4.

2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. URL: <http://www.civis-book.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf> (дата обращения: 25.08.2016).

3. Фомина О. А. Метафора как термин в лингвоэкологическом пространстве // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7700> (дата обращения: 28.01.2017).

4. Смагулова А. С. Специфика терминологического поля в области нефти и газа (на материале английского и казахского языков): автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Алматы, 2010. 26 с.

5. Мишанкина Н. А. Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2012. № 4 (20). С. 32-46.

6. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с. ISBN 978-5-98993-133-0.

ШУЙЦЕВА Инга Альфредовна, преподаватель кафедры «Иностранные языки».

Адрес для переписки: oceansveta-64@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.02.2017 г.

© И. А. Шуйцева

Книжная полка

Тимирханов, В. Р. Основы филологии : учеб. пособие / В. Р. Тимирханов. — М. : Флинта, 2016. — 160 с. — ISBN 978-5-9765-2531-3, 978-5-02-038964-9.

В пособии рассмотрены основные проблемы исторической и современной филологии, даны представления о генезисе и эволюции наук о слове, об основных формах духовной и материальной культуры, запечатленных в слове, о статусе филологии в системе научного знания и роли филологии в обществе, разъясняются «сквозные» филологические понятия и принципы филологического мировоззрения. Содержательной основой пособия является «логоцентрическое» представление о филологии как особой познавательной сфере, обращенной к проблемам сущности слова и способов его осуществления.

Пособие адресовано студентам филологических факультетов, а также всем, кто проявляет интерес к проблемам словесности.